

18+

СЕРГЕЙ ТАРАСОВ

**ВЫДАЮЩИЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ**

ЧУДЕСА И МАГИЯ

Сергей Тарасов

**Выдающиеся фантастические
истории. Чудеса и магия**

«Издательские решения»

Тарасов С. Е.

Выдающие фантастические истории. Чудеса и магия /
С. Е. Тарасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641954-4

Что только со мной ни происходило в последние годы. Сплошные чудеса и приключения сваливались мне на голову, и я едва от них уворачивался, — нечисть, пришельцы и разбойники из прошлого... Рассказы «Крик черного ворона» и «Житие в двух измерениях» были опубликованы отдельными книгами. Некоторые рассказы были опубликованы в сборниках «Сказочные фантастические истории», «Увлекательные фантастические истории», «Настоящие фантастические истории» и «Развлекательные фантастические истории»

ISBN 978-5-00-641954-4

© Тарасов С. Е.
© Издательские решения

Содержание

Крик черного ворона	6
Житие в двух измерениях	8
Плот	10
Космическая рыбалка	15
Домовой	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Выдающие фантастические истории Чудеса и магия

Сергей Евгеньевич Тарасов

Дизайнер обложки Сергей Евгеньевич Тарасов

Фотограф Сергей Евгеньевич Тарасов

Иллюстратор Сергей Евгеньевич Тарасов

Корректор Сергей Евгеньевич Тарасов

Составитель Сергей Евгеньевич Тарасов

Редактор Сергей Евгеньевич Тарасов

© Сергей Евгеньевич Тарасов, 2024

© Сергей Евгеньевич Тарасов, дизайн обложки, 2024

© Сергей Евгеньевич Тарасов, фотографии, 2024

© Сергей Евгеньевич Тарасов, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0064-1954-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Крик черного ворона

Сегодня, наконец-то, закончилась жара, которая стояла целую неделю, и, приехав с работы, я стрелой помчался в лес. Накануне был дождь почти на сутки, и я был уверен, что грибов лесу просто завались. Взял пакет побольше, нож и мазь от комаров. Пакет и нож мне не понадобились, а вот мазь комаров очень пригодилась, – в лесу было столько комаров, что они заслоняли солнце. Комары, не обращая внимания на репеллент, которым я намазался, набросились на меня целой стаей. Они жаждали моей крови, и как я понял, были мутантами, – совсем не боялись мази и кусались как собаки – очень больно. За зиму и весну я совсем отвык от комариных укусов, и теперь расплачивался за это.

Путь мой пролегал по узенькой лесной дороге и проходил по знакомым мне местам, про которые я уже написал в своих рассказах, – сначала я миновал портал, через который попал в другое измерение, потом прошел мимо карьера, где нашел звездную печку. Шурф, в котором я нашел драгоценные кристаллы, тоже был на месте, а в овраг, где меня чуть не съели живьем мохнатые люди, я не пошел – мне было страшновато на него даже смотреть.

Дорога сначала шла по лесной просеке, а потом свернула с нее на поляну. В этот момент надо мной раздался крик огромного черного ворона, – он сидел на сухой осине, рядом с дорогой и провожал меня своим взглядом. Мне стало не по себе, – такую огромную птицу я еще не видел. Черные вороны мне иногда попадались в нашем лесу, – они были большие, но такого здорового ворона я видел впервые – он был, наверное, больше взрослого гуся, – а по размеру напоминал пернатых разбойников, таких, как фрегат великолепный, адский кондор или южно-американского орла-гарпию. Он так и остался сидеть на осине, а я пошел дальше по дороге и чувствовал его взгляд спиной. Впереди было одно место, которое меня всегда интриговало – там, у дороги была старая землянка, у которой давным-давно сгнил накат, и от нее осталась просто яма с выходом, – неглубокой, обвалившейся канавой.

Я не спеша шел по дороге, отмахиваясь от комаров и слушал военные песни, которые доносились из кармана, – в нем лежал мамин смартфон, в который я закачал из интернета песни. Впереди уже виднелся поворот, за которым была старая землянка, а потом, после нее, начиналось мое любимое грибное место. Там уже не было сосен, – росли осины с березами, и там я всегда набирал красноголовиков, или белых грибов. Иногда их не было, и я довольствовался подберезовиками. Этот участок с осинами и березами был небольшой по размерам и граничил с одной стороны с болотом, а с остальных сторон был окружен дремучим сосновым бором, в котором грибов никогда не было.

Поравнявшись с землянкой, я остановился в изумлении, – из трубы, торчавшей из наката, вился слабый дымок и пахло кислым, словно там варили щи с капустой. Словом, в землянке кто-то был и готовил пищу. Простояв так несколько секунд, я решил подойти поближе и узнать, кто там поселился, – ведь я буквально несколько дней проходил мимо и смотрел на останки землянки и канаву. Теперь все выглядело по-другому, – и накат был на своем месте, и из него торчала труба.

Мне не удалось подойти поближе – из землянки вылез здоровенный бородатый мужик. Он был выше меня на голову, одет в лапти, и на нем были грязные штаны и какой-то не то камзол, не то кафтан. Пристроившись к сосне, он справил нужду, а потом, когда повернулся, увидел меня. За поясом у него был кремниевый пистолет, – такие я видел только в музеях, и нож, который мне напомнил мачете. Реакция у него была молниеносной, – он ринулся ко мне, как пуля, на ходу доставая свое оружие. Я сразу понял, что дело принимает опасный оборот – мне грозила смертельная опасность, и я рванул с места, как стайер, с низкого старта. Так быстро я не бегал никогда в жизни, – сосны мелькали справа, слева, но, слава богу, ни в одну я не взрезался.

Я забежал на Осиновую гору и оглянулся. Погони не было. Но я стрелой взлетел в гору, на середине которой я обычно отдыхал, до этого случая. До землянки, откуда я бежал было метров пятьсот – это я знал точно, потому что этот лес знал как свои пять пальцев. Эти сотни метров я пробежал по склону – вверх, но тем не менее, наверное, поставил рекорд. Никто на свете не хочет быть зарезанным, убитым из кремниевого пистолета, или зарубленным таким огромным ножом, и первым в этой очереди был я.

Первой моей мыслью, после забега на Осиновую гору было, что я нечаянно попал на съемки исторического фильма, но тут же отогнал от себя эту дурацкую догадку. Все было слишком натурально, – и землянка и здоровенный мужик – наверное, разбойник, с большой дороги.

Отдышавшись, часто оглядываясь, я побрел к своему дому сквозь осиновый лес и скоро вышел к поселку. Там ходили люди, ездили по шоссе автомобили, и я немного успокоился. Только сейчас я вспомнил о смартфоне в своем кармане. Он негромко пел какую-то песню, в которой были строки про землянку...

Я подошел к шоссе, сел на пенек и набрал номер полиции. Когда оператор спросил, что случилось, объяснил, в чем дело. Меня заверили, что наряд патрульно-постовой службы через пару минут ко мне подъедет и разберется с бандитом. Через несколько минут около меня остановился Уаз-Патриот и оттуда вышли полицейские. Выслушав мой рассказ, они сели в машину и поехали. Ехать с ними я отказался, сказал, что лучше подожду их здесь.

Прождал их, наверное, с полчаса. Они, когда приехали, сказали, что никого и ничего не встретили. Пришлось мне поехать с ними и показать то место. Полицейская машина медленно ехала по лесной дорожке и остановилась у того места, откуда мне пришлось бежать. Я не стал выходить из машины, – показал на то место, где была землянка. Оба полицейских достали табельное оружие и вышли из машины. Пройдя несколько десятков метров, они как по команде открыли огонь. Расстреляв каждый по обойме, они подошли к мужику, который лежал на траве, рядом с землянкой. Все было кончено.

Житие в двух измерениях

На улице, после недельного знойного уральского лета установилась, наконец-то хмурая и холодная погода. Я об этом мечтал всю прошедшую неделю, когда потел в огороде, пропалывая грядки с морковкой, петрушкой и луком. Сейчас можно отдохнуть, сидя в доме и почитать многочисленные книги, которые горе-читатели оставили мне в книгообменниках. Мне совершенно непонятно, почему народ тащит в них подписные издания Жюль Верна, Бунина и Дюма, – они стоят довольно дорого, и некоторые даже трудно купить в книжных магазинах. У меня в квартире небольшой книжный шкаф уже заполнен непрочитанными книгами, а в частном доме мне даже пришлось часть книг, которые мне оставил брат Лёва, вынести в чулан, – там стоит книжный шкаф с фантастикой и журналами. Кроме того, я набрал в библиотеке журналов «Чудеса и приключения» и собираюсь все их прочесть. Надо для этого просто выкроить время.

От частного дома, в котором я сейчас живу, до квартиры мне надо ехать на общественном транспорте час, как минимум. В квартире мне очень удобно было жить, когда я работал геологом, а потом просто инженером в Росреестре. Сейчас, когда мои родители и брат отправились в райские кущи, мне пришлось переехать в частный дом. Мне в нем тоже удобно – здесь тихо, тепло, просторно и всегда находится какая-то работа, – покрасить, приколотить или поработать в огороде. Лениваем здесь не стать никогда, но можно в два счета стать трудоголиком.

Когда я устаю от этой деревенской жизни, еду на отдых в квартиру. Соседи мои угомонились, остепенелись и там тоже тихо и хорошо. Давным-давно я из большой гостиной сделал себе кабинет, и сейчас там очень уютно – спальня, кухня и кабинет. На моем балконе стоит стол, кресло и еще осталось место, чтобы там немного погулять. Курить я хожу на общий балкон, и, по-моему, никто из моих соседей по площадке не курит, так что людей в своем доме практически не вижу. На лестничной площадке всегда тихо – я редко вижу своих соседей. В моей квартире стоит швейная машина, – подарок отца и я, когда приезжаю, то обязательно что-то шью: джинсы, рубашку или зашиваю какую-либо дырку.

Сейчас у меня в жизни все налажено, но только ездить из частного дома в квартиру иногда надоедает, – иногда приходится ждать автобус, или трамвай. Это время, потраченное на ожидание транспорта, можно было использовать для сна, просмотра фильма, для прогулок по городу или по лесу. В самом крайнем случае можно было занять это время для искоренения сорняков в огороде или собрать урожай клубники. В таком состоянии, – жить в двух местах одновременно, я нахожусь уже лет десять. Конечно, за эти годы я потерял много времени на переезды. В конце концов, мне это надоело, и я начал искать выход. Мне надо было придумать способ как попасть из одного жилья в другое, не обращаясь к услугам общественного транспорта.

Оказалось, что выход из такого положения существует, просто я об этом не знал. Надо было просто оборудовать портал для мгновенного перехода из квартиры в дом и обратно. Я узнал об этом из старого каталога, который обнаружил в книгообменнике в библиотеке, куда вчера зашел, чтобы набрать для чтения журналов и книг. Откровенно говоря, я не собирался его брать, – но у него была такая симпатичная обложка, что я принес его в квартиру и утром, когда стал отрывать обложку, заинтересовался одним объявлением в этом каталоге.

В нем было написано, что небольшая коммерческая фирма сделает частный временно-пространственный портал дешево и за небольшое время. Это как раз меня и устраивало. Хотя каталог был выпущен больше десяти лет назад, я понадеялся, что фирма существует и поныне. Там был телефон, по которому я сразу и позвонил. Трубку взяла молодая девушка, и я сделал заказ – устроить мне два пространственных портала – один в квартире, а второй в моем частном доме. На следующий день ко мне пришли два парня и представились техни-

ками из этой фирмы. На всю работу по созданию порталов у них ушло всего часа два. Потом я расплатился с ними, получил все документы и гарантийный талон. Работа была завершена. Уходя от меня, они поинтересовались, не думал ли я о новой их услуге, – расширение жилой площади за счет использования другого измерения.

Этой услуги не было указано в справочнике, и я сразу заинтересовался. По их словам, в их силах было создание помещения за пределами моего законного жилья, или просто пространства, которым я мог бы пользоваться как мне удобно: построить в нем дом, или два, завести там псарню, построить завод или баню. Налогами это не будет облагаться, совсем. Более того, об этом никто не будет знать. Это было более чем интересное предложение, и я изъявил желание воспользоваться этой новой услугой. Цена, которую они запросили, кусалась, и очень больно. Но с другой стороны, иметь несколько десятков гектаров земли, не облагаемыми никакими налогами и обязательствами было, по моему мнению, очень выгодно.

Мне как раз заплатили гонорар за очередную книгу, которая называлась «Выдающие фантастические истории», и его как раз должно было хватить на оплату этой услуги. Деньги это просто деньги, а пространство мне как раз не хватало. Я бы в этом потустороннем измерении построил поле для гольфа, завел лошадей и построил бы автоматическую типографию для печатания своих гениальных фантастических историй. Мы заключили договор и работы начались. По договору мне отводилось площадь размерами с небольшой город. Там надо было создать ландшафт, соорудить речку, зажечь небольшое солнце и маленькую луну.

Пока техники трудились в поте лица, отрабатывая неслабый аванс, я наслаждался, – шастал через портал то в квартиру, то в огород. Никакого города мне не надо было – я жил и радовался жизнью то в квартире, то в частном доме. Было очень удобно: зашел в туалет в частном доме, а вышел из него в ванной комнате квартиры. Но стало еще интересней, когда мне вручили пароль и ключ от участка в потустороннем измерении. Там было просто замечательно – тепло, светило солнышко, находились невысокие холмы, поросшие лесом, в котором были грибы и никаких комаров. В речке водились хариусы, окуни и налимы. По моему желанию фирма построила небольшой двухэтажный особняк, провела туда воду и электричество, сделала пятидесятиметровый бассейн с трамплином и вышкой, а кроме того, к особняку примыкала конюшня, псарня и поле для гольфа.

Это была моя дача, в которой я отдыхал по вечерам и выходным. Правда, в конюшне не было лошадей, на псарне собак, а в гольф я не умел играть совсем. Но все было впереди, – я завел себе кота, Кузю, и мы отправлялись на дачу вместе, вдвоем. Скучно нам там не было – мы ходили рыбачить, искали грибы и загорали на небольшом пляже. В один вечер я решил обойти свой большой участок по периметру. Собрал небольшой рюкзак с обедом и отправился в путь. Дошел до границы своей земли и остановился: там, за полупрозрачным высоким забором из колючей проволоки слышался женский смех.

Уже дома я потревожил своих строителей и спросил, кто у меня в потустороннем мире сосед. Ответ меня обескуражил – они сами этого не знали, более того, мне не суждено узнать, кто там обитает, а проникнуть за мою территорию мне никогда не удастся, – это противоречило всем законам природы.

Я снова пришел к забору, который отделял меня от соседки и попытался проникнуть на ее участок, но безуспешно – там было какое-то силовое поле, которое мягко, но настойчиво отталкивало меня от границы участка. А вот моего кота Кузю это не останавливало – судя, по всему, там была кошка, с которой он успел подружиться, и он ходил, негодник, почти каждый вечер, на свидания.

Хорошо быть котом, думал я каждый вечер и утро, когда провожал или встречал своего маленького четвероного друга. Но я надеялся, что и на моей улице наступит праздник, ведь прогресс не стоит на месте, и когда-нибудь я проникну за забор, – в этой жизни, или в следующей, и тогда познакомлюсь со своей соседкой.

Плот

В геологоразведочной партии, где я работал последнее время, было два полевых отряда – Северный и Южный. Я был начальником Южного отряда, а Женя, тоже геолог, был начальником Северного отряда. Мой отряд в основном работал на юге Урала, а Женя на севере Пермской области. Я искал золото и уран, а Женя искал алмазы. Ни я, ни Женя пока ничего не нашли, – ни уранового месторождения, ни золота, ни алмазов. Но мы были полны энтузиазма, трудолюбия и верили в удачу, которая в один прекрасный день нас осчастливит.

У меня на юге сезон откладывался, и начальник нашей геологоразведочной партии послал меня на север Пермской области, где работал наш Северный отряд. Участникам его надо было проверить магнитные аномалии и попытаться найти среди них ту, которая была связана с диатремой – алмазной трубкой. Женя, начальник Северного отряда, должен уехать по своим неотложным личным делам, а командовать рабочими и проводить дальше работы должен был его заместитель – геофизик Александр.

Мы Женей добрались до нашей базы, которая была в поселке-поселении для заключенных и там остановились на пару дней – пристреляли карабины, проверили рации, отдохнули после долгой дороги. Я познакомился с поселением, ходил в магазин, в пекарню, познакомился с некоторыми заключенными и с белыми ночами, которые были здесь летом.

В пекарне работал один заключенный, Сергей, который делал всякие поделки из дерева. Некоторые из них были в пекарне и я сразу заинтересовался ими. Когда я учился на первых курсах института, сам вырезал маски из сосны, осины и березового капа. Изделия этого моего тезки были лучше моих, и я ему позавидовал. Мы с ним быстро нашли общий язык, и я часто, когда бывал на нашей базе, заходил к нему в гости в пекарню, где он работал. За что он сидел, я не знаю. Один раз, когда он что-то искал, я увидел его приговор на нескольких листах бумаги, но он его быстро спрятал, а я не стал спрашивать, за что он получил срок.

В один из дней я пришел из тайги на базу за продуктами – хлеб мы брали в этом поселении, на пекарне, потому что в этом глухом краю не было деревень, только зоны и поселения для заключенных. Зашел к этому парню попрощаться, а он мне подарил отличную поковку – топор. Сталь у него была очень хорошая, и через год, когда я работал в Челябинской области, нашел пьяный березовый лес, в котором все березы были с искривленными стволами, – из-за сильных ветров. Я взял кусок ствола такой березы, и зимой, когда береза высохла, сделал к этому топору топорнице. Заготовку я сделал с трудом – древесина была крепкой и свилеватой, как говорили плотники. Этот топор мне служит до сих пор, и я на него не нарадуюсь.

Женя хотел, чтобы я пробурил несколько скважин в эпицентре аномалии, пока он в отъезде. Но там оказался плавун, и когда я с рабочим еле вытащил снаряд, с бурением я закончил. Мы с Ильей утащили весь инструмент и буровой станок на нашу базу в поселении и отправились к геофизикам, набрав с собой побольше продуктов: хлеба и консервов.

Геофизики жили на берегу таежной реки в палатках, ходили каждый день в тайгу с приборами. Лето выдалось очень жаркое, вода в реке прогрелась, и можно было после работы искупаться, смыть пот и освежиться перед ужином. Когда мы уходили в тайгу, лагерь охранял рабочий. Он охранял палатки не от людей, которых в этих местах не было совсем, – кроме заключенных в ближайшей зоне, в десяти километрах от наших палаток, а преимущественно от медведей, которых было просто множество в этой тайге.

Прожив на этом месте около двух недель, сделав все аномалии, нам надо было переехать на десять километров южнее. С этого лагеря было трудно ходить на работу – слишком далеко. Когда маршрутная пара ушла на последнюю аномалию, мы с Александром начали строить плот, на котором собирались сплавиться вниз по течению и выбрать место для нового лагеря.

Я никогда плоты не строил, но в детстве частенько плавал на плотках. Почти напротив нашего дома жили соседи, у которых каждую весну затапливало огород, и наша детская команда во главе с Влахой, который жил в этом доме, плавала по всему огороду на плотках, из старых дверей от огорода или на жестяной большой ванне, корыте, или делали плот из пары бревен. Потом, когда паводок заканчивался, мы плавали на плотках на небольшом пруду, который находился рядом с железнодорожной станцией. Плоты строили из железнодорожных шпал, которых вокруг было множество.

Но такие маленькие плоты, какие были у меня в детстве, были для всей нашей команды малы – кроме рабочих, надо было забрать с собой приборы, инструменты, продукты и спальные мешки с нашими рюкзаками. Александр, который разбирался в строительстве больших плотов, сказал, что надо как минимум семь сухих толстых бревен. Такие сухие толстые сосны были в сотне метров от палаток, на обрыве и как раз годились для постройки плота.

Утром мы с ним вдвоем, – с топорами и пилой Дружба 2, отправились на лесоповал. В ста метров от наших палаток начинался небольшой обрыв, метров пять над рекой, и на ней росли высокие и могучие сосны, часть которых были сухими. Сначала мы попробовали их спилить. Но пилу стало заклинивать, и мы, пропилив ею половину первой сосны, взялись за топоры. Можно было рубить одну сосну вдвоем, но мне было неудобно стоять – везде были ямки, камни, и я оставил эту сосну Александру, пошел к другой.

Мы срубили восемь сосен до обеда. Надо было еще свалить их комлем к реке, чтобы потом не таскать массивные бревна. Когда мы закончили лесоповал, у меня были мозоли на руках, и я здорово устал – от жары и от работы лесорубом. Надо было восстановить свои силы, и мы отправились на кухню. Пообедав и хорошенько отдохнув, мы продолжили свою работу – распилили пилой сваленные сосны на бревна метров по восемь, подтащили их к обрыву, потом выпилили в них пазы, загнали туда поперечные балки и приколотили их для надежности.

Был уже вечер, когда рабочие и студентки вернулись из тайги, и мы все вместе навалились на наш корабль и столкнули его с обрыва в реку. Плот оказался большим и тяжелым, но на нем было просторно, и можно было уплыть на нем всем, и увезти все наше барахло за один. Александр вырубил пару шестов, и мы подогнали его к нашему лагерю.

После того, как мы спустили на воду наш большой плот, я размышлял недолго. По своему характеру, я наверное, был одиночкой, и хотел плыть один, – кроме того мне нравилось плавать на плотках с самого детства. Для этой благородной и ностальгической цели пришлось свалить три сосны и сделать из них свой, личный плот. Бревна для него я отпилил поменьше – метров по семь, и не такие толстые, как у первого.

Этот мой, личный плот получился легче, и я один спустил его на воду, а потом хотел разбить об его борт бутылку шампанского, но, увы, его не оказалось. Пришлось нарушить традицию и обойтись без него. Но зато я на нем сделал мачту, на которую повесил флаг, который арендовал у одной студентки – это был красивый шарфик. Мой личный плот занял свое место около первого, ниже по течению на несколько метров, и вся наша флотилия была готова к отплытию.

Утро следующего дня выдалось жарким и прошло в суете и заботах. Хотя мы с вечера подготовились к отплытию, но все равно надо было упаковывать спальные мешки и кухню, потому что никто не хотел обойтись без завтрака.

Когда берег, на котором стояли палатки, опустел, и все наше имущество было перенесено на борт плота, все рабочие и студентки взошли на борт. Александр оттолкнулся шестом от берега и наш ноев ковчег медленно направился вниз по течению. Я стоял около своего плота и наблюдал торжественное отплытие с берега. Плыть нам было недалеко – каких-то десять километров, и я не спешил, потому что пропустить место высадки не мог – река была одна и берег, на котором нам надо было высадиться был левым, – район на котором нам предстояло

дальше работать был на левом берегу. Так что проплыть мимо, или обогнать первый плот, мне не удастся. Судьба рассудила иначе, но я об этом еще не думал. Все мое предстоящее плавание на плоту по мирной, спокойной и тихой реке оказалось сплошным приключением.

Ноев ковчег с отрядом и рабочими скрылся за поворотом реки, и лишь тогда я прыгнул на свой плот, оттолкнулся шестом и медленно выплыл на середину. Было около десяти часов утра. Мой рюкзак, спальный мешок, спиннинг лежали на носовой части, для верности привязанные к плоту веревкой, я положил шест на плот слева, карабин справа, уселся на пенек посередине и закурил трубку.

Течение реки было не быстрым, и я расслабился. Мимо меня проплывала тайга, прибрежные кусты ивняка, было тепло, и я подумал, что ради этих минут стоило жить, заниматься тяжелым трудом геолога, а не киснуть в жарком городе, стоять в пробках, дышать выхлопами машин или ехать в переполненном общественном транспорте на работу и обратно.

Через минут двадцать такого безмятежного плавания я устал обозревать берега слева и справа. Моя беспокойная натура требовала какой-либо деятельности. Подумал немного, я взял в руки спиннинг, на которой стояла блесна Байкал и кинул ее к берегу. Через пару секунд последовал удар – блесну схватила щука, и судя по всему, немаленькая. Началась борьба – щука никак не хотела очутиться в ухе, а металась по все реке, от одного берега к другому. Но у меня стояла толстая леска и спиннинг был нашего производства, так что в конце концов я вытащил эту почти метровую щуку на плот, и сразу ударил ее по голове прикладом карабина.

Щука перестала двигаться, а изобразила из себя бездыханное полено. Но я знал, что у нее чересчур острые зубы, и мне надо было достать из ее пасти блесну, поэтому я ударил ее еще несколько раз, и только после этого разжал охотничьим ножом пасть и вытащил блесну. Чтобы рыба приехала свежей, мне пришлось ее засунуть в мешок и положить под рюкзак. Больше мне не хотелось закидывать спиннинг – наверное, тут водилось масса щук и все он готовы попробовать блесну. Мне было достаточно этой большой щуки.

Борьба с речной хищницей отвлекло меня от созерцания берегов, и я с удивлением заметил, что река разделяется – впереди был остров, заросший ивняком. Достав из полевой сумки карту, я посмотрел на реку. На карте не было никакого острова. Обе протоки были одинаковы по величине, и по какой надо было мне плыть, непонятно. На всякий случай я направил плот по левой протоке, так как район работ находился на этом берегу.

Судя по скорости течения и времени, я проплыл только треть расстояния и волноваться перестал, но внимательно смотрел вперед – мне не нравилось, что на карте не было отмечен этот остров. Плот медленно плыл по течению уже полтора часа и мне захотелось в туалет, – по большой нужде. Справлять ее на плоту мне не хотелось, и поэтому я без колебаний взял шест и причалил на отмели. Вытащив плот, я взял карабин и присел в тени, около куста ивы, положив рядом карабин. Когда я закончил, взял карабин и уже собрался продолжать плавание, мое внимание приковал небольшой лог, в десяти метров от меня, в котором выходили горные породы.

Геолог я был не только по профессии, а наверное и по призванию. Мне надо было посмотреть на это обнажение, вскрытое каким-то ручьем. Я подошел к скальной стенке, сложенной, наверное, известняком, которым была сложена подавляющая площадь нашего района. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это не известняк. Обломки, которые лежали рядом с обнажением, были чересчур тяжелыми для осадочной породы, которой являлся известняк. Как называлась эта горная порода, мне предстояло выяснить, но для этого надо было достать геологический молоток, который лежал в рюкзаке, – только им можно было отбить образец от скалы, покрытой мхом и плесенью. Нужен был свежий скол этой породы.

Я повернулся, чтобы отправиться к плоту, который меня ждал на берегу, и замер – около плота стоял огромный саблезубый тигр, которого привлек запах щуки. Я медленно снял с плеча карабин, снял его с предохранителя, прицелился и нажал на курок. В армии я каждую неделю

ездил на стрельбище и хорошо стрелял по грудным мишеням, которые вставляли метрах в трехстах от огневого рубежа. До тигра было метров пятьдесят и я целил ему в ухо. После первого выстрела у него подкосились передние лапы, а после второго и третьего выстрела он упал на отмель.

Не выпуская из рук карабин, я с опаской подошел поближе. Зверь лежал неподвижно, и только тут меня затрясло. Когда мандраж прошел, я опустился рядом с трехметровым хищником и посмотрел на его клыки. Это был самый настоящий саблезубый тигр, и только у него были такие длинные клыки. Но что здесь он делал, ведь он должен был вымереть несколько сотен тысяч лет назад? Это была для меня настоящая загадка. Надо было убираться с этой отмели, от греха подальше. О том, чтобы снять с тигра шкуру, у меня даже в мыслях не было, – это было очень долго, и могли прибежать другие, не менее опасные хищники.

Но уходить с этой отмели без охотничьего трофея я не мог. После того, как я достал из рюкзака молоток и отколотил несколько образцов из разных мест скального обнажения, подошел к туше и выбил геологическим молотком оба громадных клыка. На всякий случай я ободрал охотничьим ножом бересту с березы, которая находилась на краю леса – оставил метку. Потом снял плот с отмели, залез на него и спокойно выдохнул на самой середине реки.

Теперь, в относительной безопасности, можно было рассмотреть свои охотничьи трофеи и образцы. Плот медленно плыл посередине спокойной реки, и я вспомнил о трубке. Достал из нагрудного кармана энцефалитки трубку, кисет с махоркой, которой со мной поделился отец еще дома, – он, когда не стало сигарет в магазине, посадил в огороде табак, а когда он вырос, сделал из него махорку, трубку, но предпочитал курить не трубку, а папиросы, которые сворачивал из газеты. Трубку и мешочек с махоркой он мне отдал перед самым моим отъездом, и я ему был очень благодарен за подарок.

Я уселся на пенек, набил трубку и закурил. Прошедшая на отмели стычка с огромным и опасным хищником из прошлого меня беспокоило все меньше и меньше, и я вспомнил о геологических образцах, которые даже не осмотрел на берегу. Теперь, в безопасности, можно было на них взглянуть. Они не были представлены известняком – это была кристаллическая порода темно-зелёного цвета, достаточно тяжелая, и в ней были маленькие кристаллики красного цвета. Кроме них в породе были бесцветные кристаллики. Чтобы дать название этой горной породе, надо было определить ее петрографический состав, но без микроскопа и шлифа сделать это было для меня сложно.

Я просмотрел остальные образцы и в одном обнаружил крупный бесцветный кристалл. Пришлось доставать семикратную складывающую лупу, без которой рассмотреть кристаллы было тяжело. Под лупой я понял, что красные кристаллики были гранаты – они были ромбододекаэдры, и любой человек мог определить гранат по внешнему виду кристаллов. А бесцветный кристалл оказался тетраэдром со слегка выпуклыми ребрами – это был настоящий алмаз, судя по форме кристалла. Проверить его на твердость я не мог – у меня не было никакого минерала с собой.

Все образцы я положил в мешочек, туда же положил этикетку, на которой написал номер, место отбора и дату. С этого момента это не были собакиты – так иногда назывались образцы без этикеток, которые были отколочены непонятно кем и где. Закончив с работой, я посмотрел на часы. Плот плыл уже три часа и мне надо было не пропустить место, на котором высадились группа на первом плоту.

Прошло еще несколько десятков минут, и я уловил своим носом запах дыма, – кто-то развел костер, и наверняка это были рабочие с Александром. Других людей в этих краях не было – кроме заключенных и военных с автоматами, которые выбирались на охоту в тайгу.

Из-за поворота показались палатки и я вдохнул облегченно – свои. Они уже меня заметили и обрадованно махали руками. Я помахал в ответ и стал толкаться шестом. Свой плот я пришвартовал к первому плоту, который уже выполнял роль мостика – с него было удобно

набирать воду, мыться или просто сидеть, например, с удочкой. Привязав свой корабль, я взял карабин, рюкзак, спальный мешок и ступил на твердую, сухую землю.

Было начало вечера. Солнце уже склонилось к лесу, а устройство лагеря было в полном разгаре. Кто варил ужин, кто таскал дрова, остальные делали нары в палатках. Когда я принес на берег большую щуку, все обрадовались и тут же принялись за ее разделку, – готовить королевскую уху на ужин: всем уже надоела тушенка. Геофизик стоял на берегу и расстилал около отмели палатку. Я спросил у Александра, уж не думает ли он устраивать здесь баню, а он ответил, что я угадал. В ответ я попросил его немного подождать, отойти со мною на несколько минут, подалее от народа. Он с явным неудовольствием оставил постройку бани и пошел за мной.

Я ему рассказал, а потом тут же показал: огромные клыки тигра и образцы. Получилась немая сцена – он с изумлением смотрел то на клыки, то на гранаты и алмаз. То что я ему рассказал, не вписывалось ни в одни рамки – совершенно фантастический сплав, и если бы я ему не показал доказательства, то он бы счел меня пустомелей. Но факты были налицо – он держал в одной руке клык саблезубого тигра, а в другой кристалл алмаза. Мне повезло целых два раза за этот день: на вынужденной охоте, и когда я нашел диатрему, – трубку взрыва, да еще с алмазами.

Космическая рыбалка

С самого моего детства отец меня брал с собой на рыбалку. Обычно мы ходили летом на Визовский пруд, где у отца была лодка на лодочной станции «Ерыш». Вставать на рыбалку надо было рано – мы выходили в три часа ночи и шли с удочками на станцию. Светало, но солнце еще не было, и я шел сонный, как осенняя муха. Окончательно я просыпался, когда мы подходили к нашей лодке.

Отец отпирал замок от цепи, которая не давала уплыть нашей лодки от пирса, я садился за весла и осторожно выплывал из узкой гавани в акваторию пруда. Когда мы проплывали последний мостик, отец бросал в банку на мостике бирку от лодки. Так было заведено – считалось, что лодка с этого момента находится в плавании.

Обычно отец знал, где сейчас будет клевать и говорил мне, куда плыть. Я махал веслами, а когда доплывал до того места, где должна находиться рыба, то отец начинал корректировать – говорил, «вправо, лево»... А когда он считал, что мы приехали, то говорил, «все, приехали», и бросал задний груз. Я бросал весла и шел на нос, кидал в воду передний груз. С этого момента начиналась рыбалка, – мы распутывали удочки, насаживали на крючки червяков, или тесто, отец кидал прикормку, и когда все было готово, мы садились на скамейки, отец закуривали и смотрели на свои поплавки.

Прошел год, второй, и неожиданно на нашем пруду отметили запрет на ловлю рыбы сетями. Раньше это считалось браконьерством, и некоторые рыбаки ставили сети, но редко и только по ночам. Сразу после снятия запрета рыбы на пруду стало меньше и через год отец решил вытащить лодку и привезти ее домой, – все равно рыбы стало так мало, что на удочки было нереально что-то поймать, – ее выловили сетями.

Когда отец ушел навсегда, то мой брат иногда ходил на пруд с удочкой – поймать немного окуней для кота Кузи, и просто отдохнуть на пруду. Лодка по-прежнему стояла во дворе, но Лева мечтал, что когда выйдет на пенсию, снова увезет ее на пруд и будет на ней плавать.

Наверное на пруду появилась рыба, так как на нем появились лодки с рыбаками, которые рыбачили и отдыхали с семьями, и мы с братом выбрали момент и решили, что пора увезти лодку снова на лодочную станцию, чтобы летом, как и прежде, с нее порыбачить.

И в одно тихое летнее утро мы пошли снова на рыбалку. У нас не было планов наловить побольше рыбы, скорее мы пошли просто отдохнуть и позагорать. Я, как прежде, выгреб из гавани на пруд и поплыл к острову Выселок, который очень любил с самого детства. Лева было все равно, где ловить рыбу – он везде ее ловил, где рыбачил больше минуты.

Было уже часов десять утра, когда мы подплыли к острову. Здесь было глубоко – метра четыре, – когда-то здесь, перед тем как образовался пруд, было русло реки Исеть. Мы сбросили груза, посидели с час-другой, но ни у него, ни у меня не было поклевки. Поэтому мы решили поплыть в большую бухту, где в пруд впадала речка Каменка. Там было мелко и вся бухта заросла травой – идеальное место для щук и окуней. Я вытащил свой груз, Лева свой, потом разделся до пояса, сел за весла, и наша лодка двинулась по зеркальной глади пруда под яркими лучами солнца к приключению. Мы плыли вдоль берега, который зарос камышом и осокой, в траве, на мелководье окуни гоняли мальков, а щука гоняла рыб покрупнее. Тихо скрипели и негромко постукивали уключины, за бортом плескалась вода под веслами, и все было тихо и спокойно в природе, и так же было и у нас на душе. Наступила такая рыбацкая идиллия – рыбы в пруду было много, погода отличная и мы расслабились.

Наша лодка заплывала почти в самое устье речки Каменки, где было мелководье и все было покрыто травой, кувшинками и лилиями. Я перестал грести, лодка по инерции проплыла метро шесть и очутилась в небольшой бухте, покрытой темно-красной водой. Берег тоже изменился – вместо камыша и осоки к самой воде подступали деревья, которых я раньше не видел

в жизни, – они были с сине-красной листвой, среди которой были видны ярко-синие большие цветы. Пахло смолой и каким-то непонятным ароматом, названия которого мне даже трудно было передать. Пораженный сменой обстановки, я открыл рот и повернулся к Леве. Он был озадачен не менее меня, и тоже озирался вокруг.

Лодка остановилась в двадцати метрах от берега, и мы, как по команде закурили, а потом стали держать совет – где мы, и какой черт нас занес сюда. Первоначальный шок прошел и Лева предположил, что мы очутились в параллельном мире, или на другой планете. Он был любитель фэнтези и хорошо разбирался в таких вещах. Мы сидели, курили и смотрели на диковинный лес, на воду красного цвета и думали, как отсюда выбраться на свой родной Визовский пруд. Лева предложил развернуться и плыть обратно, так же медленно, как мы и приплыли. В это время неподалеку от лодки раздался мощный всплеск и какая-то большая рыба проплыла недалеко от поверхности воды, оставляя за собой набольшую волну.

Мой брат был заядлым рыбаком и сразу сделал стойку. Потом размотал свою удочку, насадил большого червяка и закинул. По-моему, червяк даже не успел долететь до воды. Его схватила на лету какая-то зубастая большая рыба и скрылась под водой. Лева сделал подсечку и попытался вытащить улов, но не тут то было. Леска натянулась и лодка, как на буксире, тронулась с места. Я схватился за весла и попытался остановить наш корабль. Видимо, эта рыба не собиралась сдаваться и ходила кругами, зигзагами в глубине этой бухты. Потом пронырнула под лодкой и натянула леску удочки. Я не ожидал такого маневра, и поднял сначала одно весло, а потом и второе.

Брат перекинул удочку на другой борт и пытался вытащить подводного обитателя этой красной бухты, но у него это не получалось. Лодка же поплыла в обратном направлении, и, проплыв еще несколько метров мы увидели знакомый до боли родной пейзаж – мелководный залив, окаймленный камышом и осокой под яркими лучами солнца. Я поморгал глазами и выдохнул. Но у Левы не было внимания обращать на смену пейзажа, – он сражался со своим уловом, и никак не мог вытащить рыбу. Но, по-видимому, у рыбы уже не было сил бороться. Она устала и движения ее были медленными и слабыми. Я схватил подсачек и встал. Из воды появился сначала плавник, а за ним зубастая голова рыбы. Подсачек я отпустил в воду и ждал, когда рыба приблизится к борту. И когда это произошло, я загреб рыбу, поднял из воды и опустил на дно лодки.

Рыба была не согласна на смену обстановки – она билась в сетке, и совсем там запуталась: подсачек с зубастой и сильной рыбой то прыгал по дну лодки, то взмывал на полметра в воздух, и я подумал, что наш улов может выпрыгнуть из лодки. Надо было оглушить рыбу, допустим, веслом. Но когда я вытащил весло из уключины, подсачек выпрыгнул с находящейся там фантастической рыбой, и очутился в воде. Лева попытался остановить сбежавший улов, но леска его удочки не выдержала и лопнула. Подсачек скрылся вместе с рыбой в глубине и пропал. Все было кончено.

Усталый, тяжело дыша, Лева сел на скамейку и начал ругаться. Я тоже сел и озабоченно глядел на ругающего всеми словами брата. Потом, когда мы успокоились и закурили, Лева сказал, что ни один человек на свете не поверит случаю, который с нами произошел, и я с ним был полностью согласен, так как сам не мог в это поверить.

Домовой

К концу своего жизненного пути у всех людей накапливается столько баракла, что уже забывается, что у тебя есть, а чего пока нет, – уже некуда эту вещь, или предмет положить, а когда вдруг что-то понадобится, то иногда нелегко найти. Мне особенно теперь стало трудно, потому что у меня было слишком много увлечений в юности и потом, уже во взрослом возрасте, а сейчас, когда я уже не работаю за деньги, их появилось еще больше и с этим вроде бы, надо просто смириться, – сделать с этим явлением, увы, ничего уже нельзя. Раньше я работал, а когда надо было отдохнуть, занимался каким-либо делом, за которым я отдыхал от работы, и оно, ко всему прочему, приносило доход – даже иногда больше зарплаты, которую получал на основной работе.

Раньше, когда отдавал много времени работе, и у меня не было своего огорода, частного дома с его ремонтом и писательской работы, не было в наличии вещей и предметов, которые оказались сейчас необходимыми. Но всякие устройства, вещи и предметы, хобби, которые были нужны прежде, никуда не делись – я к ним иногда возвращаюсь, и рад ими снова заняться, хоть на короткий период времени.

А пока они ждали, когда я к ним вернусь и отдохали в разных уголках дома, которые сами для себя находили. И когда вдруг они мне были нужны, я находил их не там, куда их положил, а там, где им было удобней лежать. Я с удивлением находил свой баян лежащим на кресле, хотя я точно помнил, что его место было в футляре в шкафу, а гитара сама снялась с гвоздика и повесила себя за шкафом.

Интересней всего было искать книги. Нужная книга оказывалась на третьей по счету полке, и чтобы ее найти, мне приходилось снимать все книги с первых двух полок и когда я занимался этим делом, обнаруживалось масса книг, про которые я забыл, и их надо было прочитать еще вчера, или в том году. Приходилось после поисков необходимой сейчас книги их класть на прикроватную тумбочку, чтобы прочитать перед сном. Вот такие были книги – они желали, чтобы я их не забывал, – читал, вместо того, чтобы смотреть навязчивую рекламу по телевизору. Последняя пропажа случилась ранней весной.

Я отпечатал по экземпляру своих рассказов и приготовился отдать Наталье и Татьяне с Игорем-своим детям. Две книги я оставил в своей квартире, а третья находилась на тумбочке в моей комнате. Она пролежала там целую неделю, а потом исчезла. Найти я ее не смог, и заказал в типографии еще экземпляр.

Когда я был женат, то первая моя жена в таких случаях говорила: « черт, чёрт, поиграй и отдай!» и в некоторых случаях потерянная вещь находилась. Но я скептически относился к такому способу отыскания вещей. Если она пропала, то она нашла себе более удобное для нее место и надо было подумать, где она выбрала для себя это место. Но если там ее не было, я прекращал поиски, – мне было жалко времени и сил. Но спустя некоторое время эта потерянная вещь сама находилась, как будто бы она брала для себя кратковременный отпуск и таким образом отдыхала.

Со временем я привык к этому явлению, а еще я научился класть вещь на свое место, как это мне не нравилось и не было на это времени – и процент пропавших вещей сократился. Но бывали случаи, когда пропажу никак нельзя объяснить, как это не старайся. Одна из моих версий состоит в отпуске вещей, а вторая, что ее брал на время домовый.

То, что в нашем доме был домовый, я не сомневался, и примерно знал, где он может жить, – а полуподвальном этаже, где была баня, русская печка стол с инструментами и диван. Между русской печкой и баней был узкий проход, а в самом конце неглубокая ниша в стене. Туда никто никогда не заходил, потому что было неудобно туда залезть, пыльно, и мешала

кирпичная труба от бани, которая соединялась с дымоходом от русской печки. Даже будучи маленьким, я с трудом туда протискивался, а уж взрослому попасть в этот проход было трудно.

Год назад я собрался побелить стены и потолок на этом этаже, так как ремонт делал отец, очень давно, и побелка стала сыпаться с потолка и стен. А в этом узком проходе она на небольшом участке вообще отсутствовала. Летом, когда я все посадил в огороде и выдалось немного времени, я решил побелить. Убрал со стен и потолка старую побелку, побелил, а потом решил покрасить пол в этом узком проходе и там тоже освежить побелку.

С превеликим трудом я забрался в этот проход между русской печкой и баней с тряпкой и ведром с водой, дополз до ниши в стене. Там, за небольшим столиком сидел маленький домовый, с бородой и в очках, с кружкой чая и моей книгой «Потрясающие истории из жизни»! Рядом с ним лежала еще моя книга – сборник фантастических рассказов «Невероятные фантастические истории», которую я написал совсем недавно. Я охнул от неожиданной встречи, и потом извинился и спросил, нравится ему то, что я написал. Он кашлянул, сказал, что есть ошибки, а так все неплохо написано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.